

Екатерина Семенчук:

БЫТЬ В ГАРМОНИИ СО СВОИМ ГОЛОСОМ И ЧУВСТВАМИ

Меццо-сопрано Екатерина Семенчук, солистка Мариинского театра, заставила говорить о себе с самых первых выходов на большую оперную сцену, не оставляя ни у кого сомнений, что перед ними – ярчайшее вокальное дарование. Но несколько последних сезонов принесли ей огромный успех в самых крупных оперных театрах и фестивалях мира, включая Ла Скала, Ковент-Гарден, Венскую Штаатсопер, «Метрополитен опера», Зальцбург. В минувшем году Екатерина исполнила партию Амнерис в студийной записи «Аиды» Верди на лейбле Warner Classics под управлением сэра Антонио Падванно, где ее партнерами были Йонас Кауфман и Аня Хартерос. Запись, признанная сенсационной, получила престижную награду журнала BBC Music. В этом сезоне певица впервые исполнила партию вердиевской Леди Макбет в Валенсии, а на фестивале «Звезды белых ночей» – партию Далилы в премьере «Самсона и Далилы» Сен-Санса. Также в мае и июне она выступила с сольными концертами в Петербурге и Москве

Владимир ДУДИН

– Когда-то на Международном конкурсе Елены Образцовой вы получили специальный приз за «лучшее исполнение сочинения петербургского композитора», которым было произведение Валерия Гаврилина. И лишь совсем недавно вы исполнили его цикл «Русская тетрадь» в Москве и Петербурге. Долго решались снова обратиться к его музыке?

– Я счастлива, что на конкурсе Елены Васильевны Образцовой мне вручили именно этот приз. Это была «Страдальная» Валерия Гаврилина. С нее и началось мое знакомство и растущее желание целиком исполнить «Русскую тетрадь». Валерий Гаврилин мне ближе всех из композиторов, кто обращался и работал с русской народной мелодией. Я очень люблю фольклорную музыку разных народов, но русскую, славянскую песню, включая белорусскую, украинскую, полесскую, знаю лучше: традиции, жанры, стиль. Это и календарно-обрядовые песни, и свадебно-величальные, и плачи, и частушки... Я знаю, как они исполняются, могу их спеть народным голосом (назовем это так), поскольку владею такой техникой. Валерий Гаврилин был также музыковедом-фольклористом и всем сердцем любил русскую песню. Подлинность души – всегда в голосе, в песне. Его цикл «Русская тетрадь» написан на фольклорный текст, собранный им в Ленинградской, Вологодской и Смоленской областях. Но музыка, звучащая и чувствуемая как народная в этом сочинении,

◀ С Валерием Гергиевым на поклонях после премьеры «Самсона и Далилы». Фото Валентина Барановского

таковой не является: она истинно авторская, без единой цитаты – тончайшая работа Гаврилина со стилем народной песни творит чудеса. Не только в акапельных моментах.

– **Что, на ваш взгляд, скрывается за простотой музыки Гаврилина? Может быть, немного иронии?**

– За кажущейся простотой музыки «Русской тетради» открывается такая бездна человеческих чувств, что еще шаг – и ты оказываешься совершенно в ином мире, возможно, своем собственном. В этом и кроется одна из сложностей его цикла: зрелость. Иронии есть место, например, в частушках («Дело было»), но оstinato всего цикла проходит тема горя. В «Русской тетради» Валерий Гаврилин поставил во главу всего любовь. Вы можете провести параллель с циклом «Любовь и жизнь женщины» Шумана, который, к слову, я надеюсь исполнить в следующем сезоне. Только у Шумана представлена цепочка событий, приводящих к развязке: встреча, колечко, расставание, смерть. А у Гаврилина – образ более собирательный, разные ситуации, между собой не слишком связанные, как яркие вспышки в памяти. Тихая кульминация цикла в «Прекраснейшем месяце мае», как тот самый крик, который застрял в горле, как слезы, застывшие ледышками, как предрассветный туман в поле... «Ты напиши мне письмо». А колокольчики, которые на протяжении всего цикла трансформируются от маленьких серебристых к набату, к страшным похоронным...

– **Вы насыщаете музыку невероятной экспрессией. Где находите краски для богатого интонирования?**

– Всё написано у композитора. Остальное зависит от знаний, опыта, понимания и желания исполнителя. Например, иногда именно тактовые черты в «Русской тетради», представляющие собой чистую условность и используемые для удобства записи и организации, дают возможность и свободу по-настоящему передать колорит причитаний, скороговорок, страданий. «Русская тетрадь» по-разному прозвучала в Москве и Петербурге, но я этому только рада! Мою трактовку могли сравнивать с исполнением этого цикла великой Зарой Долухановой, но сравнение с ней для меня не просто приятно, но и очень почетно. Я чувствую некую незримую, но существующую преемственность поколений и общность наших стремлений. Зара Александровна, оставившая после себя такое богатое творческое наследие, – женщина непостижимо талантливая и глубоко духовная. Мне посчастливилось быть с ней знакомой и даже петь для нее, в ее честь. Жаль,

что наша жизнь слишком коротка, и мы не успеваем насладиться общением с такими людьми (да и со своей семьей подчас тоже)... Я очень люблю слушать записи Долухановой, восхищаюсь ею как тончайшим интерпретатором романсов Метнера. Вокальная музыка Метнера и Гаврилина сложна не только вокально, но и той захватывающей эмоцией, которую певец должен обуздать и сделать своей. Я часто слушаю и записи Ирины Архиповой, как она исполняет, к примеру, романсы Сергея Танеева. А как Елена Образцова чувствует переливы красок, перезвоны нот! Недаром же для нее писал сам Георгий Свиридов. В голосах этих великих женщин есть то, что рождает любовь – Жизнь.

– **Музыку кого из ныне живущих композиторов вам хотелось бы исполнить?**

– Мне очень нравится музыка Леонида Десятникова, и его «Свинцовое эхо» до сих пор является одним из моих горячих желаний.

– **В программе вашего московского концерта были еще и редко исполняемые сочинения Микаэла Таривердиева.**

– Музыку Микаэла Таривердиева я услышала и полюбила с раннего детства. Невероятный мелодизм и кажущаяся простота, сонм таких поэтов, как Ахмадулина и Мартынов, невероятная экспрессия и некоторая невесомость. Его романсы я очень часто пела в концертных программах не только в России, но и за рубежом. Особенно любимыми всегда были «Пятнадцать мальчиков» и «Листья» (те самые, которые так трепетно пела Зара Долуханова). Исполнить монооперу «Ожидание» вместе с «Русской тетрадью» на фестивале «Музыка априори» меня пригласила Елена Харакидзян, за что я очень ей благодарна. Это было очень нестандартное и смелое решение и для меня – дебютировать в Большом зале Московской консерватории с сольной программой современных композиторов (пусть и классиков уже). Два невероят-

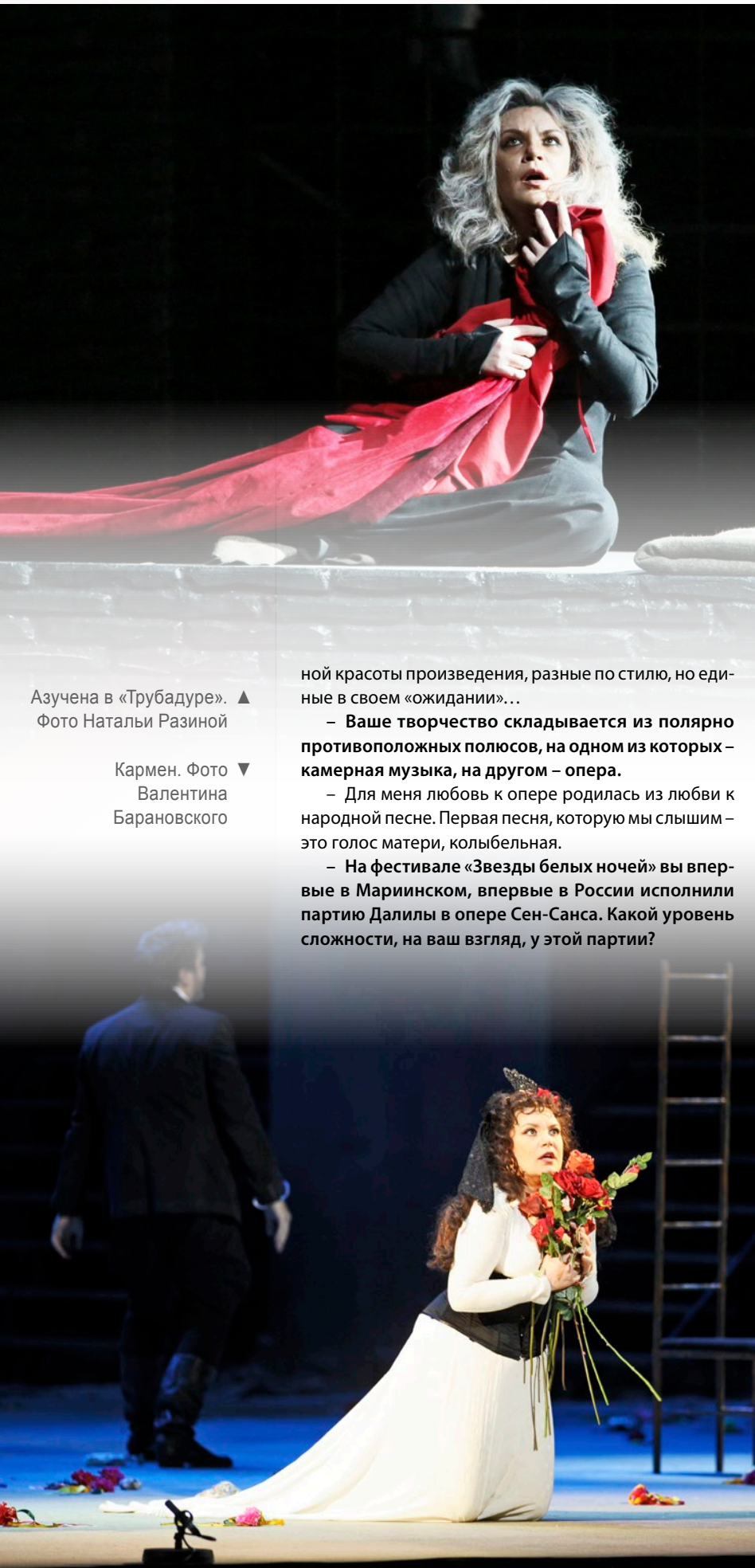

▲ С Пласидо Доминго в «Макбете». Фото Tato Baeza

◀ Дидона в «Троянцах». Фото Валентина Барановского

▼ С пианистом Дмитрием Ефимовым в Большом зале Московской консерватории. Фото Иры Полярной/Опера априори

Азучена в «Трубадуре». ▲
Фото Натальи Разиной

Кармен. Фото ▼
Валентина
Барановского

ной красоты произведения, разные по стилю, но единые в своем «ожидании»...

– Ваше творчество складывается из полярно противоположных полюсов, на одном из которых – камерная музыка, на другом – опера.

– Для меня любовь к опере родилась из любви к народной песне. Первая песня, которую мы слышим – это голос матери, колыбельная.

– На фестивале «Звезды белых ночей» вы впервые в Мариинском, впервые в России исполнили партию Далилы в опере Сен-Санса. Какой уровень сложности, на ваш взгляд, у этой партии?

– Безусловно, высокий, как и у всей французской музыки, но не только из-за языка, как справедливо считают. У меня особое, трепетное отношение к музыке Берлиоза, Массне и Сен-Санса. Я включаю с большой любовью в свои камерные программы сочинения Дебюсси, Гобера, Сен-Санса, Бизе, Равеля, эту рафинированную, красивейшую, умную и безумно интересную музыку. В партии Далилы именно эта рафинированность на фоне гибкой мощи и ровности всего диапазона и есть та самая наивысшая сложность.

– Вы разделяете точку зрения, что опера «Самсон и Далила» должна быть в репертуаре любого уважающего себя театра?

– Конечно, это настоящий хит, как и «Кармен» (которая когда-то была освистана и раскритикована). Правда, теперь «Кармен» стала настолько популярной, что «затерлась», теряя иногда ту грань в исполнении, когда зачастую сложно оценить истинную красоту сочинения и исполнителей. Мне иногда даже становится страшно от того, что любое из популярных сочинений обрастает такой сверхпопулярностью, и тогда нарушается мера всего – мера, которая делала бы его изысканным и всегда немного неожиданным. «Искатели жемчуга», «Вертер», «Кармен», «Самсон и Далила» – оперы, на которые всегда придет слушатель, которые всегда будут пользоваться успехом. В «Самсоне» великолепны и хоры, и оркестр. Если говорить о Далиле, то просто нужно быть в гармонии со своим голосом и чувствами. В какие-то моменты оркестр становится особенно плотным, и ты летишь над ним, не пытаясь его «пробить». Если голос чувствует себя в партии Далилы уютно, то весь вопрос – в умении сдерживать свои эмоции, где столько страсти, как, впрочем, и в партиях Дидоны, Кармен, Амнерис. А когда оказываешься на сцене, эмоции подчас так захватывают, что могут сыграть с тобой злую шутку. Поэтому чем основательней подготовлена роль, тем больше шанс, что ты удержишь бушующие эмоции под контролем, и лодочка многолетней работы вынесет тебя в этом океане, обеспечит успех.

– В уходящем сезоне вы как-то тихо и незаметно в Центре искусств в Валенсии исполнили партию Леди Макбет в опере Верди. Как всё это случилось? Как вы отважились на такое?

– Решилась. Меня так сильно хотели слышать в этой роли и так настойчиво верили в меня, что это произошло совершенно естественно. Узнала я об этом после моего дебюта в Венской Опере в «Анне Болейн» в партии Джованны Сеймур, которую пела в первый раз. Это было в апреле 2015 года, а уже в декабре того же года я дебютировала в партии Леди Макбет. После этой партии мой голос вырос, стал намного гибче. Я благодарна ей за то, что она открыла глубины и высоты моего голоса.

– Как проходил процесс впеваания? Сомнения одолевали?

– Времени на сомнения не было. Кто-то меня восторженно поздравлял, кто-то, наоборот, скептически отнесся к моему выбору. Зальцбургский фестиваль с «Трубадуром» прошлым летом, плавно перешедший в открытие сезона в опере Сан-Франциско в «Луизе Миллер» (в этом театре и в партии Федерики я тоже дебютировала), вновь плавно перетек в новый сезон уже

на Мариинской сцене, а потом, накануне «Макбета», состоялся и мой дебют на сцене Большого театра в гала-концерте памяти Елены Образцовой, где я исполнила арию Леоноры из «Фаворитки» Доницетти (которую, наряду с Адалджизой в «Норме» Беллини, мечтаю спеть целиком) и арию Эболи из «Дон Карлоса» Верди. Это был не только дебют в Большом театре, но и мое приношение великой Елене Образцовой. Когда я приехала в Валенсию, сомнения отпали сами собой: весь коллектив театра, мои коллеги и дирижер Хенрик Нанаши делали одно дело. Ежедневные репетиции, морской воздух и прекрасная музыка Верди увлекли нас так, что премьера и шесть дивных спектаклей пролетели на одном дыхании. Открытие сезона состоялось, а вместе с ним и открытие образа Леди Макбет для меня тоже. Моим Макбетом был Пласидо Доминго, с которым нам предстоит встретиться еще раз в этой опере на открытии сезона 2016-2017 в Лос-Анджелесе.

– И каковы ощущения? Анна Нетребко, например, признавалась мне, что в этой роли она стала сама собой как актриса, обрела, наконец, свое измерение.

– Леди Макбет просто ошеломила меня. Это – фантастически красивая опера, из которой не выбросишь ни одной ноты. Я пела всю партию без единой купюры. Помимо гениальной музыки, которая завораживает, партия Леди Макбет написана так удобно, что петь ее – одно удовольствие.

– Кто вас учил играть сомнамбулизм в главной сцене «Макбет»?

– Мне повезло, потому что это была постановка Петера Штайна – красивая, с очень яркими мизансценами. В сцене сомнамбулизма леди появлялась в самом начале *Gran scena del sonnambulismo*: босая, в белой ночной рубашке, простоволосая и с горящей свечой – единственным светом в ее потухающем сознании. Я всегда восхищаюсь игрой драматических актеров, но Джуди Денч с ее страшным скрипучим мучительным криком в «Сцене безумия», как ее еще называют, и Кейт Флитвуд в роли Леди Макбет меня покорили. Фильм с Марийон Котийар меня, к сожалению, так не тронул... Хотя мне очень понравилось интервью с Марийон о ее персонаже. Этот фильм выходил в прокат как раз в тот момент, когда я пела премьеру в Валенсии. Честно говоря, для меня навсегда останется особенным фильм-опера с Ширли Верретт, ее уникальный голос.

– Партнерство с Доминго вдохновляло?

– Наш союз в этой опере (певческий и актерский) рос от спектакля к спектаклю, обрстая новыми красками, – это совершенно естественный и очень увлекательный процесс работы. Пласидо – потрясающий партнер с феноменальной энергетикой, и работать с ним на сцене – огромное удовольствие! Он находил эмоциональный отклик во мне, а я – в нем.

– Летом, наверное, будете активно выступать на разных фестивалях?

– Сейчас пою Азучену в Ковент-Гардене. В Верье будет «Фальстаф», в Эдинбурге – «Золото Рейна» с любимой труппой Мариинского театра, а на фестиваль в Люцерне в августе я приглашена петь «Смерть Клеопатры» Берлиоза и кантату «Жанна д'Арк» Россини. После Люцерна передо мной – Лос-Анджелес, затем «Аида» в Сан-Франциско, а после – «Дон Карлос» в Ла Скала и «Трубадур» в Риме. И за это время надо подготовить еще три сольные программы – с Семеном Скигиным, Хельмутом Дойчем и Дмитрием Ефимовым.

▲ В Большом зале Московской консерватории. Фото Иры Полярной/Опера априори

◀ Леди Макбет. Фото Tato Baeza

▼ Эболи в «Дон Карлосе». Фото Валентина Барановского

